

Из истории науки и техники

Э. И. Колчинский

*Колчинский Эдуард Израилевич,
доктор философских наук, профессор,
директор Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания
и техники РАН,
Тел. (812) 328-4712, факс (812) 328-4667.
E-mail: ihst@spb.org.ru
199034, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 5/2*

НАУКА И ЭМИГРАЦИЯ: СУДЬБЫ, ЦИФРЫ И СВЕРШЕНИЯ

Бремя выбора

Вплоть до начала XX в. ученые продолжали считать себя членами международного научного сообщества, нормы и ценности которого казались им важнее, чем приверженность национальным традициям и государственным интересам. В процессе обучения и подготовки к научной деятельности будущий исследователь, как правило, старался максимально широко узнать разнообразие научных концепций, методологий и методик, легко перемещаясь между университетами и лабораториями разных стран. Не обращая особого внимания на зигзаги международных отношений, приводящие порою к войнам, исследователи даже воюющих государств, по возможности, старались продолжить научное сотрудничество, обмениваясь письмами, научными изданиями, коллекциями.

Формулируя свои достижения на универсальном языке и игнорируя в какой-то степени государственные границы, они стремились всегда найти условия, наиболее благоприятные для научных исследований, и не боялись сменить привычную социально-культурную обстановку, отправившись на службу в другую страну. Так это было в первой половине XVIII в., когда приезд молодых исследователей из стран Западной Европы, прежде всего немецкоязычных государств, положил начало формированию научного сообщества в России. Со второй половины XIX в. наметилась обратная тенденция. Многие отечественные ученые

и изобретатели все чаще уезжали на постоянную работу за пределы страны, основывая там собственные научные школы. Достаточно назвать Нобелевского лауреата 1916 г. И.И. Мечникова, микробиолога С.Н. Виноградского, социолога и экономиста М.М. Ковалевского, географа П.А. Чихачева, математика С.В. Ковалевской и др.

Никому и в голову не приходило считать их предателями Родины, и все они знали, что в случае необходимости могут вернуться в Россию.

Первая мировая война покончила с Интернационалом ученых, вызвала всплеск патриотизма и шовинизма во всех странах, сплотивший радикалов, либералов и консерваторов вокруг своих правительств. Началась «война манифестов», в которых ученые воюющих стран, обвиняя противников в варварстве, всячески защищали действия своих властей и армий. Одна Императорская Академия наук старалась удержаться от демонстративных заявлений и верноподданнических действий, сохранить трезвость в шовинистическом угаре и дистанцироваться от ура-патриотов, призывавших разорвать научные связи с учеными из центральных держав и исключить их из числа почетных членов всех университетов, научных учреждений и обществ России. Однако и она взамен потерянных связей с традиционными германскими партнерами предпринимала попытки установить более тесные научные отношения с учеными союзных стран - Англии и Франции. Кроме того, ученые прямо включились в научно-техническое обеспечение войны. Тем самым деятельность многих из них приобрела непосредственное оборонное значение, нанося ущерб их профессиональным интересам.

Отныне международные контакты в области науки стали все больше приводиться в соответствие с конфигурацией военно-политических блоков и в мирное время. Ученые побежденных стран неизбежно попадали в разряд изгоев, как это произошло с учеными из центрально-европейских государств после Версальского договора. Еще трагичнее были судьбы ученых Советской России, попавших из пламени Первой мировой войны в полымя Гражданской, «красного террора» и подготовки «мировой революции». Недавние союзники по Антанте не могли простить части из них принятие предательского Брестского мир и их приветствия немецких оккупационных войск как избавителей от большевиков. С недоумением относились они и к тем российским коллегам, которые пошли на сотрудничество с большевиками, желавшими поставить под жесткий контроль все научные исследования и экспортировать социалистическую революцию. В то же время страны Антанты, которые помогали силам, противостоящим большевикам, были вынуждены принять тысячи ученых, инженеров и преподавателей после краха правительств на оккупированном англичанами Севере и поражения армий Колчака, Деникина, Врангеля и Юденича.

Практически перед каждым российским ученым уже в 1918 г. встал мучительный выбор - остаться в стране, охваченной пламенем жестокой, братоубийственной войны, обрекая себя и своих близких на муки и смерть, или эмигрировать. Ученым, оставшимся в Гражданскую войну в России, пришлось в полной мере испытать тяготы времени: пре-

следования властей, аресты, голод, холод, инфекционные болезни, отсутствие элементарных условий для работы. Некоторые из них были расстреляны в годы «красного террора» или погромов.

После окончания Гражданской войны научное сообщество вынуждено было выстраивать свои приоритеты в соответствии с интересами властей. Чтобы увеличить правительственные ассигнования, ученые в ущерб традиционным профессиональным интересам разрабатывали проекты, призванные сохранить и упрочить положение науки в новых условиях. Часть из них с энтузиазмом включалась в работу государственных учреждений, надеясь с их помощью реализовать свои планы и научные замыслы. Сотрудничество с правительством, воспринимавшимся нередко как «банда насильников», объяснялось национальными интересами и необходимостью сберечь российскую науку. Казалось, что есть возможность сохранить верность либерально-демократическим ценностям, так как от ученых еще не требовали отказа от прежних взглядов и клятв в преданности советской власти. Их привлекали к разработке научно-технических планов и правительственных законов в качестве экспертов, и многим из них казалось, что можно найти оптимум между желаниями большевиков и своими представлениями о том, чем должна заниматься наука. Они надеялись, что в случае их честного участия в строительстве социализма власть оградит их от всякого рода посягательств на свободу научного труда и формы его внутренней организации. Ученые старались убедить правительство, что без фундаментальной науки невозможно проводить модернизацию и индустриализацию страны.

В 1920-е гг. многим из них казалось, что власть их понимает и готова к долговременному сотрудничеству. В то же время значительная часть ученых, не желавших подчиняться новой власти, эмигрировала. В работе за рубежом они видели путь к спасению российской науки. 1920-1925 гг. были временем формирования научного академического сообщества за рубежом. Одни деятели науки и техники покинули страну с частями Белой армии, другие были высланы туда советским правительством, третьи не вернулись из заграничных командировок. При этом они осознавали, что в глазах большевиков, культивировавших у населения образ страны как «осажденной крепости», эмиграция воспринималась как измена, и возвращение становилось невозможным без риска для жизни.

Масштабы и пути миграции

В «Исторической энциклопедии» сообщается, что общее количество эмигрантов из России достигало 2 млн человек, а ученых-эмигрантов - около 500, в том числе 150 профессоров [1, с. 492, 498]. Эти сведения, заниженные в несколько раз, красноречиво свидетельствовали о том, какой огромный ущерб понесла отечественная наука в результате эмиграции, если учесть, что в 1914 г. в России было всего чуть более

11 000 ученых и преподавателей вузов, включая всех практикующих врачей, профессоров консерваторий и духовных академий. Ближе к истине данные Русского научного института в Белграде на 1931 г., согласно которым в русском зарубежье было зарегистрировано 1612 русских ученых-эмигрантов, преподавателей университетов и высших технических школ, в том числе пять академиков [2, с. 297].

Но и эти цифры не могут считаться полными, так как анкетирование не было ни обязательным, ни повсеместным. В них не учтены многие ученые, которые к тому времени порвали с наукой, скончались, а также те, чья эмиграция продолжалась лишь несколько лет или числилась как заграничная командировка. В целом не менее четверти ученого и профессорско-преподавательского корпуса покинуло Россию и обосновалось за рубежом. Интеллектуальные потери России становятся еще очевиднее, если учесть число образованных среди эмигрантов. По информации, собранной в 1922 г. в Варне по опросным листам, 95,2 % составляли русские, в основном мужчины (73,3%) в возрасте от 17 до 55 лет (85,5%), образованные (54,2%) [3, с. 17-18]. Таким образом, Россия из-за эмиграции потеряла миллион образованных, находящихся в расцвете сил людей. Из них около трех тысяч уже зарекомендовали себя в области науки. Размер потенциальных потерь определить в принципе невозможно.

Уже летом 1918 г. на территориях, контролируемых антибольшевистскими силами, оказались академики Н.И. Андрусов (Керчь), В.И. Вернадский (Полтава), В.В. Заленский (Севастополь), А.М. Ляпунов (Одесса), Н.П. Кондаков (Ялта), Н.В. Насонов (Сочи), В.И. Палладин (Харьков) и др. В Зарайске постоянно проживал А.А. Марков. Многие из них, как писал В.И. Вернадский С.Ф. Ольденбургу из Киева 8 сентября 1918 г., не хотели «рвать ни с Академией, ни с другими учреждениями России», но в то же время опасались вернуться, что делало их положение очень сложным [4, л. 31-31 об]. К концу Гражданской войны за границей работали академики Н.И. Андрусов, П.И. Вальден, В.И. Вернадский, П.Г. Виноградов, Н.П. Кондаков, А.Н. Крылов, М.И. Ростовцев, П.Б. Струве, В.А. Францев, И.В. Ягич (т.е. примерно четверть среднесписочного состава действительных членов), почетные академики П.Д. Боборыкин, И.А. Бунин, Ф.Ф. Зелинский, П.Н. Игнатьев, Н.С. Мальцев, Е.М. Ольденбургская, А.П. Ольденбургский, член-корреспондент С.Н. Виноградский, Н.Н. Глубоковский, А.А. Кизеветтер, С.М. Кульбакин, А.А. Максимов, С.П. Тимошенко, Е.Ф. Шмурло, Ф.А. Щербина и др. Позднее к ним присоединились член-корреспондент Г.А. Гамов, академики В.Н. Ипатьев, Я.В. Успенский и А.Е. Чичибабин (см. [5-11]).

За границу выехали многие ученые высшей школы. В их числе были профессора Петроградского университета: филолог Ф.А. Браун, юристы Д.Д. Grimm, Л.И. Петражицкий, А.А. Пиленко, В.Д. Плетнев, М.П. Чубинский, почвовед П.В. Отоцкий и др. [12]. Ректор Петроградского университета историк Э.Д. Grimm после краха Белого движения эмигрировал в Болгарию, где стал одним из главных организаторов

«Союза возвращенцев». Вернувшись в Россию в 1923 г., он психически заболел после нескольких арестов.

Бывший председатель Центральной рады в Киеве, знаменитый историк М.С. Грушевский основал в Чехословакии Украинский социологический институт. Поверив в искренность провозглашенной большевиками национальной политики, он в 1923 г. вернулся на родину и даже в декабре 1929 г. возглавил Украинскую академию наук. Но уже в начале 1931 г., после серии «чисток» и «дискуссий» его арестовывали в Москве по сфабрикованному делу «Украинского национального центра» и, хотя вскоре освободили, оставили в Москве как в почетной ссылке [13].

Различными были пути эмиграции российских генетиков Ф.Г. Добржанского, И.М. Лернера, Н.В. Тимофеева-Ресовского, которые создали генетику популяций в Германии и США и внесли основополагающий вклад в формирование современной эволюционной теории. За рубежом оказались известный конструктор самолетов И.И. Сикорский, математики В.А. Костицын, Я.Д. Тамаркин и А.С. Безикович, почвовед В.К. Агафонов, гидродинамик Б.А. Бахметьев, кораблестроители Я.М. Хлытчиев и В.И. Юркевич, физиологи Г.В. Анреп, Б.П. Бабкин, В.В. Завьялов и В.Г. Кореченский, гистолог Н.К. Кульчицкий, энтомолог Б.П. Уваров, экономисты О.Н. Андерсон, А.Д. Билимович, Б.Д. Бруцкус, В.Б. Ельяшевич, И.В. Емельянов, В.Н. Коковцов, А.Н. Челенцев, А.А. Чупров, в том числе и будущий лауреат Нобелевской премии по экономике В.В. Леонтьев, историки А.А. Васильев, Г.В. Вернадский, А.А. Лобанов-Ростовский, М.П. Милюков, П.В. Пашков, С.О. Якобсон. Из командировки в Крым не вернулся геолог и палеонтолог академик Н.И. Андрусов, эмигрировавший в марте 1920 г. в Константинополь, а позднее в Париж, где у его жены был небольшой дом [14].

Многим пришлось завоевывать авторитет уже за границей: «отцу телевидения» В.К. Зворыкину, директору Национальной радиоастрономической обсерватории в США О.Л. Струве. Они эмигрировали, не желая участвовать в Гражданской войне и не видя возможности вести нормальную научную работу при большевиках. Опасаясь ареста за отказ регистрироваться в комиссариате для призыва в Красную армию, В.К. Зворыкин уезжает в Омск, а затем в Америку [15]. Напротив, Г.Б. Кистяковский с оружием в руках два года боролся против большевиков и только после поражения армии Врангеля на французском корабле из Крыма перебрался в Турцию, оттуда в Югославию, в Берлин и в конечном счете оказался в США. Здесь он не только стал крупнейшим специалистом в области физической химии, одним из ведущих участников Манхэттенского проекта, но и активно участвовал в определении научной политики США, будучи советником президента Д. Эйзенхауэра [16]. Ученик И.П. Павлова Г.В. Анреп также избрал эмиграцию только после поражения Белой армии, в рядах которой он сражался в 1918-1920 гг.

Выезд за границу уже в Гражданскую войну, как правило, был очень труден, а иногда даже опасен для жизни. Почетный академик по разряду изящной словесности, писатель И.А. Бунин так рассказывает о своем отъезде из Одессы в конце января 1920 г.: «Почему мы не погибли в Черном море на пути в Константинополь, одному богу известно. Мы ушли из города в порт пешком, темным, грязным вечером, когда большевики уже входили в город, и едва втиснулись в несметную толпу прочих беженцев, набившихся в маленький ветхий греческий пароход "Патрас", а нас было четверо: с нами был знаменитый русский ученый Никодим Павлович Кондаков, грузный старик лет семидесяти пяти, и молодая женщина, бывшая секретарем его и почти нянькой. Шли мы затем до Константинополя двое суток в снежную бурю, капитан "Патраса" был пьяница-албанец, не знавший Черного моря, и, если бы случайно не оказался на "Патрасе" русский моряк, знавший его, потонул бы "Патрас" со всеми своими несчастными пассажирами непременно» [17, с. 437]. Крупнейший гистолог и бывший министр народного образования Н.К. Кульчицкий покинул Севастополь на британском судне накануне прихода большевиков. Подобно Бунину, Кондакову и Кульчицкому, сотни, если не тысячи ученых, бежали из Советской России на палубах и в трюмах кораблей, на утлых суденышках. Рискуя жизнью, нелегально перешел границу С.П. Тимошенко. Пограничниками был убит профессор гражданского права Петроградского университета А.Э. Нольде. В середине 1920-х гг. через границу с Финляндией бежит на Запад бывший ректор Пермского университета А.С. Безикович, которому власти отказали в командировке по стипендии Рокфеллеровского фонда для научных занятий за рубежом. Несколько лет спустя тем же путем ушел ссыльный ихтиолог В.В. Чернавин, а профессор Ленинградского университета и Ленинградского Политехнического института Я.Д. Тамаркин в сопровождении контрабандистов перешел границу с Латвией в 1925 г.

Наряду с массовыми эвакуациями ученых с остатками разгромленных частей Белой армии шла «мирная эмиграция» командированных за рубеж и жаждавших остаться вне пределов своей «кровью пьяной» Родины [18-19]. Руководство РАН добилось не только освобождения из-под ареста директора Аэродинамического института Д.П. Рябушинского, но и его командировки за границу [20, л. 327]. Оттуда он уже не вернулся, создав такой же институт при Парижском университете. «Красный террор» конца 1918-1919 гг. затронул и зоолога Петроградского университета С.А. Гоара, обернувшись, к счастью, только двумя месяцами тюрьмы. Академия наук санкционировала и его заграничную командировку для изучения кровяных паразитов и патогенных простейших в научных центрах Франции и Англии, из которых он уже не вернулся, став за границей профессором и академиком.

Невозвращениями все чаще становились советские и партийные работники, в том числе и занимавшие высокие посты, командированные за границу и отказавшиеся вернуться в СССР [21]. Не всегда высокие нравственные побуждения были причинами их эмиграции. Но среди

них были и ученые, пожелавшие остаться за рубежом из-за отсутствия свободы научного поиска на Родине. Глава Российской железнодорожной миссии в Берлине, крупнейший специалист в строительстве паровозов и тепловозов Ю.В. Ломоносов решил не возвращаться в Россию в 1926 г. Осознавая неминуемый арест в СССР, стал в 1927 г. эмигрантом крупный математик и астроном, член Гуса, заведующий Научным отделом Главнауки В.А. Костицын, сыгравший активную роль в организации научно-исследовательской работы в области математики и астрономии в Советской России в 1920-х гг. [22]. Понимание невозможности работать с большевиками пришло к знаменитым химикам В.Н. Ипатьеву и А.Е. Чичибабину только в начале 1930-х гг. До этого, казалось, они смирились с советской властью и с энтузиазмом работали над созданием химической промышленности в СССР.

Осенью 1922 г. само Советское правительство выслало за границу более 200 человек вместе с членами их семей. Чаще всего их отправляли пароходами, которые теперь принято почему-то называть «философскими». На самом деле лишь несколько человек среди высланных можно назвать философами [23, с. 741-747]. Среди интеллигенции, признанной опасной для властей (врачи, юристы, экономисты и литераторы), явно преобладала профессура из Москвы - 22, Петрограда - 23, Одессы - 17, Казани, Минска, Нижнего Новгорода, Киева. В основном это были преподаватели высшей школы. Для устрашения оставшихся из каждого вуза брали по несколько человек. Так, за границей оказался крупнейший социолог XX в. П.А. Сорокин, которым открывался раздел «Антисоветская интеллигенция» в Петроградском списке, первый демократически избранный ректор Петроградского университета профессор математики Д.Ф. Селиванов, последний демократически выбранный ректор МГУ профессор биологии М.М. Новиков, декан физико-математического факультета МГУ проф. В.В. Стратонов, самый известный ученик И.П. Павлова, заведующий кафедрой физиологии Новороссийского университета Б.П. Бабкин и многие другие.

Трудности адаптации

Все эмигранты тяжело переживали свой вынужденный отъезд за границу. Поразительны в этом отношении письма академика Н.И. Андрусова, который 1 августа 1918 г. писал С.Ф. Ольденбургу: «Я очень хотел бы, чтобы мое отсутствие не продолжалось бы очень долго, но все-таки очень боюсь, что придется не возвращаться несколько месяцев. Здоровье моей старшей дочери, а отчасти жены и мое настоятельно требуют поправки. Мне ужасно жаль отрываться от моего рабочего кабинета, моих коллекций, моих рукописей, но что же делать: я чувствую себя не в праве удерживать здесь своих, а отпускать их, не уезжать вместе с ними я тоже не могу. Да и не думаю, что от меня будет толк, если я физически и психически не отдохну, а работа научная и другая, вероятно, не

уйдет от меня» [24, л. 1-1об]. Автор писем выражал беспокойство, что он лишится звания академика.

В другом письме, адресованном уже А.П. Карпинскому и датированном 22 мая 1919 г., Н.И. Андрусов сообщал, что он принял предложение читать лекции в Таврическом университете. Его очень беспокоило отсутствие связей с Академией наук: «Я лично очень страдаю, вдали от музея, без научной работы, без моих материалов, коллекций и без книг», - писал Н.И. Андрусов [25, л. 9-9об]. Покинув Россию в 1920 г., Андрусов сначала работал в Сорбонне, а затем в Пражском университете. Но и оттуда его письма В.И. Вернадскому и Ф.Ю. Левинсону-Лессингу полны просьб о присылке научной литературы, сетований на отрыв от коллекций, от учеников, на изоляцию от научной жизни в стране.

Представление о настроениях ученых в связи с их массовой эмиграцией будет неполным, если не привести двух выдержек из писем С.Ф. Ольденбурга В.А. Стеклову. Непременный секретарь Академии наук чаще, чем кто-либо другой, имел возможность выезжать за границу. При желании он мог остаться там навсегда. Тем более что за рубежом жил его сын историк С.С. Ольденбург. Но настроения С.Ф. Ольденбурга были совершенно иными. Находясь в заграничной командировке, 5 февраля 1921 г. он писал В.А. Стеклову: «Если б Вы знали, до чего меня тянет назад в дорогую Академию» [26, л. 16об]. Эта же мысль повторяется в его письме от 3 марта 1921 г.: «Совсем одолела тоска по России и Вас всех. На чужбине всегда плохо, даже когда сыт и когда в тепле. Я совсем стосковался сегодня, просто как-то все себе места не находил. Все думаю обо всех Вас и очень трудно без всяких вестей» [26, 32-32об].

Ф.Г. Добржанский уехал за границу вместе с женой как стипендиат Рокфеллеровского фонда и работал в самой знаменитой генетической лаборатории Т.Г. Моргана, где к нему все прекрасно относились. Тем не менее его переписка с Ю.А. Филипченко полна тоски по Ленинграду, университетским коллегам и искреннего желания вернуться на Родину без ущерба для научной работы. Так, например, 16 мая 1929 г. он пишет: «Если бы Вы знали, как часто думаешь и гадаешь о Вас и как неприятно, когда несколько недель нет ни одной строчки» [27, с. 199].

Так чувствовали себя командированные. Еще большая безысходность у тех, кто не питал надежд на возвращение в Россию. Отвечая на запрос Г.В. Вернадского о возможности устроиться его отцу на работу в США, А.И. Петрункевич написал, что перспективы не радужны. Он писал: «...в общем, русским здесь плохо... Жизнь здесь страшно дорога, безработица растет. Вы не только отцу не поможете, но и сами будете нуждаться» (28). О неблагоприятных условиях для научной работы в США не раз писал В.И. Вернадскому С.П. Тимошенко из Питтсбурга. «Как далеки эти учреждения от тех фантазий, которые я когда-то имел в России относительно] американских научных учреждений. Никакой науки и никакого Research'a здесь нет! По крайней мере, в моей области это настоящая пустыня, и здешние лаборатории ни с рус-

скими, ни даже с Загребом сравнивать нельзя... Всегда ощущение, что здесь жизнь не настоящая, а люди только собрались временно, чтобы заработать деньги, а потом уйти» [29].

Более того, американская действительность заставляет Тимошенко «думать, что демократич[еский] строй совершенно не благоприятствует р[азвит]ию наук и искусств - для этого деспотич[еский] режим, пожалуй, лучше» [30]. И этот вывод делал российский радикал, резко осуждавший оставшихся в России ученых за «услужничество» большевикам и считавший руководителя ВСХН Ф.Э. Дзержинского не «твердым правителем», а «палачом». «...Готовность русского человека "услужить", - по мнению Тимошенко, - и есть вероятная причина прочности большевиков. Довольно иметь кучку наглецов, и все готовы подчиняться» [30].

Не скрывая своего отрицательного отношения к большевикам и сотрудничавшим с ними, академик П.П. Сушкин без морализирования и философствования так обобщает свой заграничный опыт [31]. Он пишет, что мог бы устроиться профессором в каком-нибудь государственном университете США, «но жить в американской дыре смысла нет, и затем я боюсь преподавания, тем более что оно здесь шаблонно и пришлось бы еще перерабатывать весь курс на здешних примерах» [31]. Не устраивало Сушкина и предложение занять место библиотекаря и редактора в Бостонском обществе натуралистов, так как зарплата была низка, а наукой пришлось бы заниматься «в свободное от работы время». В России же он постоянно находился в статусе «research professor». Сушкин откровенно писал, что «никогда не обладал общественной жилкой, и обязательства перед родиной для меня в решении этих вопросов почти не играют роли. Тем более, в такие стихийные эпизоды роль отдельного человека совершенно ничтожна и непосредств[енное] значение моего пребывания не выходит за пределы зоол[огического] и геол[огического] музея» [31].

Вскоре и сам Вернадский смог убедиться в справедливости слов Петрункевича, Сушкина и Тимошенко. В поддержке ему отказали Институт Карнеги, Йельский университет, Национальный исследовательский Совет США, Рокфеллеровский фонд, Британская ассоциация за прогресс в науке. Неудачей закончились попытки Ф. Славика договориться с официальными лицами Чехословакии о финансовой поддержке исследований Вернадского. В 1923 г. Славик сообщал: «... Едва ли будет возможно у нас (т.е. в Праге. - Э.К.) и на средства наших научных организаций обосновать самостоятельный центр для систематических исследований» [32]. Еще раньше, узнав о планах Вернадского, А.И. Петрункевич из Йельского университета предостерегал его. «Что Вы хотели бы эмигрировать - я вполне понимаю. Но не делайте этого, если Вы не найдете средств на обеспечение лаборатории и научного труда, т[ак] к[ак] положение американского профессора, принужденного жить на жалованье и отдавать все время на учение - более чем незавидное. И самый уровень студентов... совсем другой, чем уровень русских и западноевропейских» [33]. Ни хлопоты самого Петрункевича,

ни многих крупных американских геологов и палеонтологов не могли помочь Вернадскому устроиться в США.

Многие эмигранты убеждались, что ученые, оставшиеся в СССР, сохранили возможность заниматься научной работой и существенно расширили ее масштабы, используя заинтересованность большевиков в науке. В письмах к А.Е. Ферсману и дочери Вернадский не раз отмечал, что в Западной Европе близкие для него отрасли знания (геология, минералогия, кристаллография) находились в упадке, литература в библиотеках была бедна, а зарплата ученых мала. Еще весной 1924 г. Вернадский писал дочери: «Сейчас результаты научной работы в пределах России очень велики, и с ними приходится считаться здесь всем. Русские ученые, оставшиеся там (т.е. в Советской России. - Э.К.), сделали и делают большую мировую работу... Сейчас работы Павлова, Ферсмана, Баха, Лазарева, Кольцова, Иоффе, Зелинского, Курнакова, Марра, Карпинского и очень многих других оказывают влияние на человеческую мысль» [34]. В конечном счете, после почти четырехлетнего пребывания в Европе, Вернадский вернулся на Родину, убедившись, что только здесь он сможет вести исследования [35]. И даже знаменитый И.П. Павлов не был уверен, что ему удастся продолжить научную работу за рубежом.

Приведенные примеры свидетельствуют, что даже ученым с мировой известностью (Н.И. Андрусов, В.И. Вернадский, И.П. Павлов, П.П. Сушкин) не приходилось рассчитывать на продолжение плодотворной научной работы за границей. Но и в тех случаях, когда карьера у оказавшихся за границей складывалась удачно, большинство из них не оставляли мысль вернуться на Родину. Н.В. Тимофеев-Ресовский, будучи директором самостоятельного Отдела генетики и биофизики в Обществе Кайзера Вильгельма, отказался от немецкого гражданства в 1937 г. [36] и от эмиграции в США из фашистской Германии [37], так как полагал, что тогда потеряет навсегда возможность работать в СССР [38]. Когда Советская Армия подошла к Берлину, он не ушел на Запад, предпочел остаться в своем учреждении, прекрасно осознавая, что может быть с ним «невозвращенцем», работавшим в фашистской Германии во время войны с СССР [39].

Большинство эмигрантов должно было встраиваться в научные сообщества страны пребывания, что было не просто, так как обычно для чтения и научной работы приглашались лишь те, кто не только еще до революции приобрел высокий научный авторитет, но был молод и не строил особых иллюзий по поводу высокого социального статуса и привилегий, к которым они привыкли на Родине. Как правило, русских ученых встречали без энтузиазма, видя в них конкурентов, а студенты посмеивались над их неправильным произношением.

Были, конечно, и исключения. Таким был Институт Пастера в Париже, где до революции 28 лет работал Нобелевский лауреат И.И. Мечников с учениками А.М. Безредкой, М.А. Вейнбергом, Е.А. Вольманом, М.А. Преображенским, В.А. Хавкиным, а после революции - С.Н. Виноградский, А.Т. Васильев, М.А. Волконский, П.Н. Грабар,

Н.А. Добровольская-Завадская, Л.Н. Кепинов, И.И. Манухин, С.И. Метальников. В Парижской Высшей практической школе работали Г.Д. Гурвич, А. Койре, Н.О. Щупак. Н.В. Тимофеев-Ресовский вместе со своей женой Е.А. Тимофеевой-Ресовской, С.Р. Царапкиным, И.Б. Паншиным работал в основанном и возглавляемом им Отделе генетики и биофизики. На кафедре славянской филологии Венский университет пригласил Н.С. Трубецкого, а Брюссельский университет - историка А. Экка. Но чаще всего эмигрантам доставались места в провинциальных городах в случае свободного владения местным языком и отсутствия конкурентов. Большой процент русских имен среди членов Сербской академии наук свидетельствует, что их признание в той или иной стране в немалой степени зависело от уровня развития в ней науки [40]. Для многих ученых эмиграция была губительна в научном отношении. Так, навсегда вынужден был отказаться от зоологии талантливый исследователь В.М. Шиц.

Тем не менее российские ученые-эмигранты активно искали социально защищенные места для жизни и профессиональной деятельности за рубежом. При этом некоторые из них вначале думали не только о простом физиологическом выживании. Изгнанники считали себя призванными сохранить русский как научный язык и традиции российской академической науки. Русским ученым удалось привлечь внимание крупных зарубежных ученых к своим потребностям. Так, в Международный комитет помощи русским в Лондоне, созданный в ноябре 1920 г. по инициативе профессоров В.И. Исаева, В.Г. Коренчевского, П.Н. Милюкова, М.И. Ростовцева и возглавляемый секретарем по иностранным делам Королевского общества Великобритании сэром А. Шустером, вошли также президент этого общества Ч.С. Шеррингтон, президент Британской Академии наук сэр Ф. Кэньон, редактор «Nature» сэр Р. Грегори, директора институтов и профессора ведущих университетов [41].

Попытки организации российской науки за рубежом

Часть ученых-эмигрантов проявила себя прекрасными организаторами и практически сразу же приступила к созданию общественных организаций российских ученых в Болгарии, Великобритании, Германии, Италии, Латвии, Маньчжурии, Польше, США, Турции, Чехословакии, Финляндии, Франции, Швейцарии, Швеции, Эстонии и Югославии [42]. Уже в 1921 г. состоялся первый съезд академических организаций русского зарубежья [43]. Был организован Союз русских академических организаций, принят его устав. До начала Второй мировой войны было проведено пять таких съездов. Цель союза была в сохранении единства русского научного сообщества за рубежом, в координации деятельности его членов и оказании им всякого содействия, в установлении контактов с иностранными исследовательскими и правительственными организациями, в обеспечении представительства в зарубежных государственных и общественных организациях, в развитии

русских академических традиций и передаче их молодому поколению, в обсуждении и публикации научных трудов на русском языке, в оказании помощи русским ученым и молодежи в получении образования. Создатели надеялись аккумулировать научный потенциал русского научного зарубежья с последующим возвращением его на Родину после ее освобождения от большевиков. Бывшие профессора и доценты российских университетов издали 7038 научно-исследовательских работ [44, с. 133]. До сих пор существует в США Русская Академическая группа, выпускающая «Записки» на русском и английском языках.

Шло формирование целой сети русских научных организаций и высших учебных заведений. В первой половине 1920-х гг. в Берлине существовали Русский институт и Свободная духовная и философская Академия. Тяжелое социально-политическое и экономическое положение Веймарской республики, рост национализма и ксенофобии вынудили многих русских эмигрантов вскоре перебраться в Чехословакию, президент которой проводил так называемую «Русскую акцию». Ее цель состояла в поддержке русского научного зарубежья, чтобы подготовить кадры, в том числе и научные, для будущей постбольшевистской России. Здесь создаются Русский народный университет, Русский институт коммерческих знаний, Институт сельскохозяйственной кооперации, Русский Педагогический институт, Высшее училище техников путей сообщения, Педагогический институт и Русский юридический факультет при Карловом университете, Кондаковский институт и Экономический кабинет. Народный университет и Институт славянских исследований были открыты в Париже. При поддержке французского правительства в Сорбонне стал читаться курс лекций по русской истории и литературе. На русском языке можно было получить образование также в Технологическом институте, Православном богословском институте, Франко-русском институте, Коммерческом институте, в Русской консерватории им. С.В. Рахманинова.

В Белграде для ученых и преподавателей из России был создан Научный институт. С началом массовой эмиграции крупным центром высшего образования и русской науки стал г. Харбин в Маньчжурии. Здесь функционировали Политехнический Институт, Институт Восточных и Коммерческих наук, Юридический факультет, где преподавание велось и на русском языке. Для русских были созданы также Высшая богословская школа и Высшее медицинское училище. Однако эти русские научные учреждения и высшие учебные заведения за рубежом не могли обеспечить работой всех желающих.

Оставшиеся в России академики понимали, что в иностранных учреждениях можно сохранить русских ученых, но невозможно сохранять их в русском языковом пространстве. В недрах Академии наук зародился план учреждения за границей как специальных, типа историко-археологических или филологических, исследовательских институтов, так и общих, охватывающих работу по всем отраслям знания. Положение о русских научных учреждениях было одо-

брено на заседании Общего собрания РАН 4 сентября 1920 г. [45, с. 70-78]. Однако финансовых возможностей для его осуществления не было, и план вскоре был похоронен. Более долговечным оказался проект возрождения в новом виде существовавшего до Первой мировой войны в Константинополе Русского археографического института. Предполагалось, что Восточный научно-исследовательский институт, созданный на паритетных началах с Турцией, будет включать гуманитарное, естественнонаучное и социально-экономическое отделения. Но и этот проект не был поддержан ни русскими, ни зарубежными учеными [46, с. 143].

Многие представители научной и творческой интеллигенции, оказавшиеся за границей, много делали для сохранения исторических и культурных ценностей с надеждой впоследствии вернуть национальные реликвии на Родину. Возникло более 40 эмигрантских музейных собраний, среди которых наибольшую известность приобрели Русский культурно-исторический музей (Прага), коллекции Археологического института (Прага), Общество по изучению Маньчжурского края и юбилейной выставки КВЖД (Харбин), Музей - архив зарубежной жизни (Варна), Морской музей (Альтенбург), Музей русской старины (Рига), Музей истории древней русской архитектуры и др. В Париже возникли Музей имени С. П. Дягилева, Русский Педагогический музей и Русский музыкально-исторический музей. Картины Музея имени Н.К. Рериха, созданного в 1923 г. в Нью-Йорке, позднее были использованы при основании его Европейского центра в Париже и Музея Н.К. Рериха в Риге. Все они организовывались и содержались благодаря самоотверженной деятельности самих эмигрантов и за счет их добровольных пожертвований. Большинство из них содержали преимущественно материалы, характеризующие жизнь и быт российского зарубежья. Большое значение имели выставки, организованные в Бельгии, Германии, Чехословакии и других странах и знакомящие европейцев с культурой и историей России. Большинство коллекций этих музеев исчезло в годы Второй мировой войны.

Инициаторы академического движения в зарубежье чаще всего отрицательно оценивали деятельность ученых в Советской России. Они называли «соглашателями» С.Ф. Ольденбурга и А.Е. Ферсмана, осуждали их за сотрудничество с большевиками и не желали смириться с тем, что возможен иной путь спасения российской науки, чем выбранный ими. Соглашаясь с тем, что «... очень тяжело и сложно, по-видимому, в России для тех, кто... связан с высшей школой или стоит во главе больших научных учреждений», Вернадский подчеркнул: «Но им я (С.Ф. Ольденбургу и А.Е. Ферсману. - Э.К.) обоим, безусловно, верю и знаю, что они ничего не сделают против своей совести или из-за личной выгоды. В конце концов — пока — жизнь их оправдывает; огромная культурная работа идет в России и все главные центры научной жизни сохранены. Это факт и сделано волей, трудом и верой людей. Ничто само по себе не делается... Слы-

ша критику Сергея (С.Ф. Ольденбурга. - Э.К.), всегда вношу поправку на те трудности, в которых ему приходится жить» [47]. Он уверен: «Ферсман в трудных положениях русской культуры был одним из тех, которые сделали для ее сохранения и развития больше всех его ругающих» [48].

Многие были не согласны с претензиями эмигрантов на исключительное наследование и сохранение российской науки. В письме к И.И. Петрункевичу Вернадский подчеркивает однозначно: «Центр мысли и научной работы не в эмиграции, а в России...» [49]. Сыну же он пишет, что у эмиграции «корней в России нет: там идет свой процесс. Задача эмиграции: подготовка личностей и работа научная и культурная» [50]. В письме же дочери подчеркивает: «Я писал и пишу сейчас против политической игры эмиграции, против всех этих ссор, распрей. Вижу здесь в Париже, как все более и более люди распыляются из-за фикций» [51].

Критикуя решение Вернадских отложить свое возвращение в Советскую Россию, А.Е. Ферсман вопрошал Н.Е. Вернадскую: «...Неужели же можно думать, что русскую культуру пронесет в будущее русская эмиграция — эта смесь чванства, мстительности и безумия? Неужели Вы не думаете, что только у себя же вновь возродится русская культура» [52]. Он уверен, что «для В[ладимира] И[вановича] самого, для его научной работы лучше возвращаться к нам» [52]. Ферсман напоминал Вернадскому, что за границей «Вы оторваны от помощников, от живых людей, которые могли бы работать по Вашим указаниям. Это именно такое оружие, которое Вам нужно, прежде всего. А это в Париже Вам сделать все-таки трудно» [53]. Он уверен, что возможностей «для научной работы, конечно, у нас в 10 раз больше, чем в Париже» [53]. Оставшиеся в России ученые надеялись, что укрепление положения ученых в России и их свобода будут обеспечиваться «работой, развитием исследований».

В 1927 г. С.Ф. Ольденбург в юбилейной речи «О развитии научной деятельности в СССР за 10 лет», произнесенной на заседании Ленинградского отделения секции научных работников, говорил не только о достижениях, но и о потерях науки, гибели ученых, их эмиграции. «Мы, к сожалению, знаем, что многие из наших товарищей, несогласные с нами, покинули нас, - отмечал С.Ф. Ольденбург. - Таким образом, наши ряды стали гораздо более редкими, и приходится громадную работу нести немногим и, притом, в исключительно трудной обстановке» [54, с. 26]. Он ни минуты не сомневался, что судьбы российской науки решались здесь, а не в эмиграции.

Вопрос о реальном вкладе русской эмиграции в мировую науку еще не исследован. Считается, что ее успехи ограничиваются прежде всего областью гуманитарных наук, более или менее заметны в социологии и экономике, и практически их нет в области технических и естественных наук [55, р. 59]. Подобные суждения, не под-

крепленные наукометрическими данными, всегда субъективны. И можно привести немало достижений русских эмигрантов, в значительной степени предопределивших развитие собственных наук не только в пределах своих новых национальных сообществ, но и в мировом масштабе. Достаточно вспомнить имена физика Г.А. Гамова, генетиков и эволюционистов Ф.Г. Добржанского и Н.В. Тимофеева-Ресовского.

Действительными членами Национальной Академии наук были З. Ваксман, Ф.Г. Добржанский, В.Н. Ипатьев, В.В. Леонтьев, М.М. Новиков, Э.В. Шалли, Р. Халли; пятеро из них стали лауреатами Нобелевской премии. Нобелевскую премию получил также экономист С.А. Кузнец. Другой Нобелевский лауреат, И.Р. Пригожин, стал членом Бельгийской королевской академии наук, литературы и изящных искусств. Избранием в члены Лондонского Королевского сообщества отмечены труды Г.В. Анрепа, Б.П. Бабкина, А.С. Безекевича, П.Г. Виноградова, М. И. Ростовцева, Б.П. Уварова, а Парижской Академии наук - К.Н. Давыдова. И этот список может быть продолжен.

Но с М. Раевым можно согласиться в том, что в сохранении и развитии наук в русском языковом масштабе особенно значим вклад гуманитариев. Успехи же остальных в немалой степени зависели от того, как им удалось вписаться в языковые пространства зарубежья. С конца 1920-х гг. начался процесс «денационализации» российской научной диаспоры за рубежом. Большинство принимало гражданство тех стран, в которых они работали и жили, чтобы стать равноправными членами новых для них национальных научных сообществ. Пришло и осознание нецелесообразности научных публикаций по-русски, которые были доступны только самим эмигрантам. К концу 1930-х гг. сошла на нет и практика съездов зарубежных русских ученых. Вторая мировая война dokonчила разгром российской науки за рубежом. Ее крупнейшие центры были уничтожены в Восточной Европе, на Балканах и на Дальнем Востоке.

С 1930-х гг. труды бывших российских ученых приходили в СССР на иностранных языках, и только по происхождению авторов условно можно говорить об их вкладе в отечественную науку, которая, конечно же, развивалась только в пределах СССР, несмотря на трагические судьбы многих ее создателей. И в этом споре эмигрантов и оставшихся в СССР о том, как спасти и развивать российскую науку, правыми оказались последние. Однако благодаря российской эмиграции, науке других стран, а значит всему человечеству были даны блестящие открытия и важнейшие изобретения. И в этом - непреходящая заслуга «великого исхода» русских ученых за рубеж в послереволюционные десятилетия.

1. Историческая энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1976. Т. 16.
2. Иванов А. Императорская Академия наук на рубеже XIX-XX столетий // *Новый журнал*. 1974. Кн. 116. С. 283-297.
3. Комин В.В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной революции за рубежом. Калинин: изд-во Калининского гос. ун-та, 1977.
4. ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 106. Л. 31-31об.
5. Российские ученые и инженеры в эмиграции. М.: Перспектива, 1993.
6. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 1997.
7. История русской эмиграции. Библиографический указатель. Сост. Пронин А.А. Екатеринбург, Изд-во Урал. Юридическая Академия, 1999.
8. Зарубежная Россия. 1917-1939 / Отв. ред. В. Ю. Черняев. СПб.: Европейский дом, 2000.
9. Российская научная миграция. Двадцать портретов. М.: УРСС, 2001.
10. Ульянкина Т.И. Уроки изгнания: российские ученые-эмигранты в Великобритании (1917-1940-е гг.) // *Науковедение*. 2002. № 2. С. 192-207.
11. Зарубежная Россия. Кн. 2. / Отв. ред. В.Ю. Черняев. СПб.: Лики России, 2003.
12. Шилов А.В. Из истории Петроградского университета: судьбы ученых в послеоктябрьский период // Петербургские чтения 1997 г. Материалы энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург 2003». СПб.: Русский Балтийский Информационный Центр БЛИЦ, 1997.
13. Ссылка М.С. Грушевского. Подготовил П. Елецкий // *Минувшее. Исторический альманах*. Вып. 23. 1998. С. 207-262.
14. Оноприенко В.И. Николай Иванович Андрусов. М.: Наука, 1990.
15. Борисов В.П. Владимир Козьмич Зворыкин. М.: Наука, 2002.
16. Борисов В.П. Карьера Джорджа Кистяковского в Гарварде, Лос-Аламосе и Белом доме // *Российская научная миграция. Двадцать портретов*. С. 165-175.
17. Бунин И.А. Из воспоминаний «Третий Толстой» // *Собр. соч.* в 9 тт. М., 1967. Т. 9.
18. Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // *Отечественная история*. 1996. № 1. С. 53-69;
19. Дубинина Н.И., Ципкин Ю.Н. Об особенностях Дальневосточной ветви Российской эмиграции (На материалах Харбинского комитета помощи русским беженцам) // *Отечественная история*. 1996. № 1. С. 70-84.
20. ПФАРАН. Ф. 2. Оп. 1-1918. Д. 42.
21. Генис В.Л. Невозвращенцы 1920-1930-х гг. // *Вопросы истории*. 2000. № 1. С. 46-63.
22. Незнакомый Костицын // *Российская научная миграция. Двадцать портретов*. М.: УРСС, 2001. С. 28-56.
23. Архивные документы о высылке 1922 г. // *Вестник РАН*. 2001. Т. 71. № 8.
24. ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 13.
25. ПФА РАН. Ф. 265. Оп. 6. Д. 21.

26. ПФА РАН. Ф. 162. Оп. 2. Д. 307.
27. У истоков академической генетики / Отв. ред. Э.И. Колчинский, сост. М.Б. Ко-нашев. СПб.: Наука, 2002.
28. Columbia University, Bakhmeteefs Humanities Found (далее — ВНФ ВС). Vernadsky's collection. Вох 53. Письмо А.И. Петрункевича к Г.В. Вернадскому. 25 сентября 1921 г.
29. ВНФ ВС. Вох 87. Письмо С.П. Тимошенко к В.И. Вернадскому. 29 янв. 1925 г.
30. ВНФ ВС. Письмо С.П. Тимошенко к В.И. Вернадскому. 14 марта 1925 г.
31. ВНФ ВС. Письмо П.П. Сушкина к В.И. Вернадскому. 21 мая 1925 г.
32. ВНФ ВС. Вох 86. Письмо Ф. Славика к В.И. Вернадскому. 23 ноября 1923 г.
33. ВНФ ВС. Вох 85. Письмо А.И. Петрункевича к В.И. Вернадскому. 21 сентября 1922 г.
34. ВНФ ВС. Вох 11. Письмо В.И. Вернадского к дочери от 5 мая 1924 г.
35. Колчинский Э.И. В.И. Вернадский и большевики / Ред. М. Хайнеманн и Э.И. Колчинский // За «железным занавесом»: Мифы и реалии советской науки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 133-151.
36. Satzinger H., Vogt A. Elena Aleksandrovna und Nilolaj Vladimirovic Timofeef-Ressovsky (1898-1973, 1900-1981) // Preprint 112. Berlin: Max-Planck-Institut für Wissenschaftsgeschichte, 1999.
37. Конашев М.Б. Несостоявшийся переезд Тимофеева-Ресовского в США // На переломе. Вып. 1. Советская биология в 20-30-х годах. СПб.: Альманах, 1997. С.94-107
38. Бабков В.В., Саканян Е.С. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский. М.: Памятники исторической мысли, 2002.
39. Рассекреченный «Зубр» / Сост. Я.Г. Рогинский. М: Academia, 2003.
40. Ермолаева Н.Е. Первые годы русской математической эмиграции // *ВИЕТ*. 1992. № 2. С. 50-61.
41. Ульянкина Т.И. Русские ученые-эмигранты в Великобритании (1917-1940 гг.) // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция 1998 г. М.: ИИЕТ, 1999. С. 242-247.
42. Новиков М.М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Прага: Русский свободный университет, 1935.
43. Отчет о Первом съезде Русских Академических организаций в Праге. 10-17 октября 1921 г. // Труды русских ученых за границей. В 2-х т. Ред. А.И. Каинка. Т. 2. Берлин: Слово, 1925. С. 324-345.
44. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). Paris: Librairie des Cinq continents, 1971.
45. Протоколы Общего собрания РАН. Пг., 1920.
46. Басаргина Е.Ю. Русский археографический институт в Константинополе. СПб.: Дмитрия Буланина, 1999.
47. ВНФ ВС. Вох 11. Письмо В.И. Вернадского к дочери. 4 января 1923 г.
48. ВНФ ВС. Письмо В.И. Вернадского к сыну. 8 августа 1924 г.
49. «Я верю в силу свободной мысли». Письма В.И. Вернадского к И.И. Петрункевичу // *Новый мир*. 1989. № 12. С. 204-221.
50. ВНФ ВС. Вох 11. Письмо В.И. Вернадского к сыну. 9 июня 1923 г.
51. ВНФ ВС. Письмо В.И. Вернадского дочери. 21 июня 1923 г.

52. ВНФ ВС. Письмо А.Е. Ферсмана к В.И. и Н.Е. Вернадским. 7 августа 1924 г.
53. ВНФ ВС. Письмо А.Е. Ферсмана к В.И. Вернадскому. 30 июля 1924 г.
54. *Научный работник*. 1927. № 11.
55. Raeff M. *Russia abroad. A Cultural History of the Russian Emigration. 1919-1939.* Qxford: Oxford U. P., 1990.